

— Да что ж ты за наказание... Обязательно за мной таскаться? — раздражённо проворчал Гун Чао.

Этот мелкий наглец вообще не походил на порядочного тушканчика. Настоящий слизняк — прилип, не отдерёшь.

— Буду! И вообще, я могу не только сторожить твой сон, но и делать тебе массаж! Настоящий релакс! — выпалил вдруг Луань Лин какую-то нелепицу и, ткнувшись носом в перья птицы-секретаря, принялся карабкаться вверх по её шее, точно сквозь густой подлесок.

Чувствительная кожа у основания перьев мгновенно отозвалась на копошение мелких лапок. Ощущение было диковинным и острым — будто кто-то проводит по волоскам на ногах, только сильнее в несколько раз. Невыносимая щекотка.

Гун Чао так передёрнуло, что хохолок на его птичьей голове мгновенно вздыбился веером. Он порывался мотнуть шеей, но побоялся, что тушканчик улетит в траву, поэтому лишь сердито шикнул:

— Ты что творишь?! А ну слезай!

Но Луань Лин и ухом не повёл. Упрямо карабкаясь вверх, он наконец взобрался на самую макушку птицы-секретаря и крепко вцепился в длинные перья хохолка.

Гун Чао недовольно мотнул головой, пытаясь избавиться от наездника, но из разума донёсся весёлый голосок:

— Да не дёргайся ты! Я же просто хочу сделать тебе массаж.

— Тоже мне, массажист, — фыркнул Гун Чао, однако головой крутить перестал.

Возражения возражениями, но любопытство взяло верх: хотелось посмотреть, что задумал этот мелкий паршивец.

Луань Лин тихонько хихикнул и принялся изо всех сил елозить по макушке, взъерошивая перья против роста.

— Ну как? Кайф? Все птицы обожают, когда им чешут пёрышки против роста!

Гун Чао прислушался к ощущениям. Не сказать, чтобы это было прямо-таки божественное блаженство, но приятный зуд на макушке заметно утих. Чувство было такое, будто тебе наконец-то почесали зудящее место. Причём эта щекотка оказалась на редкость заразной: стоило унять зуд в одном месте, как тут же зачесалось другое, а спустя пару

секунд приятное покалывание побежало по затылку и спустилось к самой спине.

Птицы не могут дотянуться клювом до собственной макушки. Гун Чао, который до этого страдал от невозможности нормально почиститься, теперь невольно расслабился. Теперь он окончательно понял, почему пернатые так любят, когда их гладят по голове. Просто сами они туда дотянуться не могут. Это как невыносимый зуд прямо посреди лопаток — когда кто-то другой наконец протягивает руку и чешет его, блаженство кажется безграничным.

— Молчишь, значит, балдеешь, — пропыхтел Луань Лин.

Он уже притомился: чтобы не свалиться с покачивающейся головы и при этом усердно работать лапками, приходилось задействовать все мышцы своего крошечного тельца. Но утомление не мешало ему без усталости молотить чепуху. Озорная мысль мигом созрела в его голове, и он вкрадчиво прошептал:

— Ты прикинь, сколько сил уходит. Приходится и бёдрами двигать, и поясницей работать, чтобы тебе хорошо сделать... Хе-хе-хе.

До Гун Чао не сразу дошёл смысл этих двусмысленных словечек, но похотливый смешок мелкого наглеца мгновенно расставил всё по местам. Ах ты ж мелкий пошляк! Решил отпустить в его адрес сальную шуточку?

Такое нахальство прощать не следовало. Оборзевшего тушканчика пора было приструнить, пока он окончательно не сел на шею — в буквальном смысле. Гун Чао резко мотнул длинной гибкой шеей, и победно ухмыляющийся Луань Лин кубарем полетел вниз, приземлившись прямо на пернатую спину.

От внезапного полёта у тушканчика перехватило дыхание. Не успел он перевернуться и встать на лапки, как сверху на него тяжело обрушились мощные крылья. Гун Чао надёжно прижал озабоченного грызуна к спине и принялся безжалостно катать его туда-сюда своими маховыми перьями, словно ком теста или белье на стиральной доске.

— Ну как?! — издевательски поинтересовался Гун Чао. — Я ведь тоже делаю тебе массаж! Хорошо? Нравится?!

Луань Лин безостановочно вертелся юлой под перьями, не в силах даже толком выговорить слова:

— А-ха-ха-ха! Мамочки, прекрати! Ой-ой, сейчас пузо лопнет! Хватит, пощади-и-и!

Гун Чао сквозь смех пригрозил:

— Ещё раз пошлить вздумаешь — прибью! Ишь, распутник выискался.

— Всё-всё-всё, сдаюсь! Пощади-и-и! Братец Гун! Братец Чао! Лао Гун! Ой... Лао Гун~~~~

Этот несносный тип умудрился на ходу придумать новое обращение и, даже будучи измятым до полусмерти, не смог отказать себе в удовольствии продолжить нарываться. Он вывел эти два слога чистым, по-юношески звонким голосом с такой невыносимой, приторной нежностью, что концовка имени затрепетала в воздухе кокетливой руладой. От этого интимного воркования сердце Гун Чао предательски ёкнуло.

По телу пробежала волна горячей дрожи, пробравшая до самых костей, а перья мгновенно встали дыбом. От этой вкрадчивой интонации по коже посыпались колючие мурашки. Он замер, намертво придавив шустрого грызуна крылом, и сердито прикрикнул:

— Ты чего развопился, придурок?! Тебе самому-то не дико так меня называть?

— Хи-хи, вообще ни капельки, — отозвался Луань Лин, судя по весёлому тону, ничуть не смущённый собственной выходкой.

— Да ты... — Гун Чао аж задохнулся от возмущения.

Теперь он окончательно убедился: у этого парня напрочь отсутствуют и стыд, и здравый смысл. В его голове явно не хватало парочки винтиков.

— Хватит меня так величать! Я старше тебя всего на шесть лет, мне двадцать пять стукнуло. Какого чёрта я для тебя «Лао» — старик?!

Луань Лин, отдуваясь, выкарабкался из-под плотного крыла и принялся усердно разглаживать лапками свою растрёпанную шубку.

— Лао Гун, ну чего ты так завёлся? Когда парни так друг друга называют — это же высшая степень броманса, чисто мужская дружба!

И это его «Лао Гун» прозвучало так легко и непринуждённо, словно он всю жизнь только так к нему и обращался.

В прежней жизни Гун Чао изредка слышал подобные шутливые прозвища от приятелей, но тогда он лишь лениво отшучивался или беззлобно посылал шутников подальше. Однако сейчас, когда Луань Лин это произнёс, всё переменялось. Слова эти отозвались внутри странным, необъяснимым беспокойством, заставив его вновь вскинуть перья и мгновенно пойти в оборону. Гун Чао и сам не мог понять, с чего вдруг так остро реагирует на невинное дурачество.

— Ещё раз услышу — вышвырну на хрен! — рявкнул он, пытаясь напустить на себя как можно более грозный вид. — Или найду тебе симпатичную самочку-тушканчика, совьёте гнездо и

будете плодить выводок за выводком!

Для пущей убедительности он ткнул острым клювом прямо в мордочку Луань Линя, нависая над ним всей своей внушительной массой.

Луань Лин испуганно округлил глаза, поспешно прикрыв крошечными лапками свой раздвоенный ротик. Вспомнив, что они общаются мысленно, он вздохнул и комично обхватил голову лапками. Выглядел он в этот момент до невозможности умилительно.

Гун Чао буравил его взглядом пару секунд, внезапно поймав себя на непреодолимом желании снова потискать этого пушистого обормота. В этот раз он не стал сдерживать порыв: в конце концов, хорошая взбучка пойдёт мелкому только на пользу, чтобы лучше запоминал уроки.

Он вновь расправил крыло и устроил тушканчику очередной сеанс безжалостной «трёпки», катая его по перьям. Одно досадно — сквозь плотное оперение крыльев невозможно было толком прочувствовать, какой этот зверёк мягкий на ощупь.

Луань Лин исходил праведным гневом: он ведь послушно замолчал, а его всё равно изваляли в перьях так, что из желудка едва не выскочил весь вчерашний ужин!

— Пощады, зверюга! Меня сейчас вырвет! Прямо на твои драгоценные перья-а-а!

Увидев, что тушканчик распластался на спине, безжизненно задрал лапки кверху и тяжело дыша, Гун Чао наконец сменил гнев на милость и убрал крыло.

Кое-как поднявшись, потрепанный Луань Лин обнаружил, что его шёрстка снова превратилась в жалкое подобие птичьего гнезда. Да, излишняя болтливость наказуема, но как побороть это непреодолимое желание вечно испытывать судьбу на прочность?

К тому же валять дурака с Гун Чао было чертовски весело. С ним Луань Лин чувствовал себя удивительно легко и, что важнее всего, в полной безопасности. Прежде никто из его знакомых не вызывал у него столь тёплого, умиротворяющего чувства.

Почувствовав на себе пристальный взгляд со спины, Гун Чао резко развернул голову и подозрительно прищурился:

— Чего затих? Опять какую-то пакость замышляешь?

— Да бог с тобой! Нет, конечно! Ой, гляди, там птица! — Луань Лин подскочил на месте и торопливо указал лапкой куда-то в сторону, отчаянно пытаясь перевести тему.

Гун Чао проследил за его жестом и действительно заметил в десятке метров пугливую птичку

головку, высунувшуюся из зарослей. Птица, не подозревая об угрозе, деловито клевала рассыпанные по земле семена диких трав.

— Да это же цветной бекас! — возбуждённо зашептал в его разуме Луань Лин. — Они почти не умеют летать! Давай, хватай его, пока не утёк!

Упускать лёгкую добычу было глупо. Поняв намёк с полуслова, Гун Чао рванул с места.

Длинные, мускулистые ноги птицы-секретаря позволяли развивать приличную скорость, высоко возвышаясь над травой и сохраняя идеальный обзор. Однако у пернатого хищника не было мягких кошачьих подушечек на лапах, способных глушить шаги, так что бесшумным его бег назвать было трудно.

Сухой шорох приминаемой травы эхом разнёсся по округе, и цветной бекас мгновенно почувствовал неладное.

— Кло-кло-кло! — в панике заголосила упитанная птица и заметалась из стороны в сторону, сиюсь уйти от погони.

Луань Лин от азарта едва не выпрыгивал из шкуры, истошно вопя в мысленном канале:

— Не упusti! Давай, прижми её! Это же целая гора сочного мяса! Чистый деликатес!

Бекас мчался сломя голову, косясь назад на преследующее его чудовище, превосходящее его размерами раз в пять. Несколько раз он пытался взлететь, но тяжёлое тело едва отрывалось от земли, а скорость и высота полёта были ничтожными. Птица-секретарь настиг беглеца в считанные секунды.

Мощный удар когтистой лапы сбил бекаса с ног. Бедняга кубарем покатился по траве, после чего в ужасе сжался в комок, замерев на месте, точно перепуганная курица.

Гун Чао даже удивился, насколько простой оказалась охота. Наступив лапой на трепыхающуюся добычу, он прижал её к сырой земле. Несчастный бекас слабо дёрнулся пару раз и испустил истошный птичий вопль.

— Что за глупая тварь? Даже бежать не пытается. Неужели это тоже игрок? — засомневался Гун Чао.

Однако жертва никак не отреагировала на его мысленный голос, продолжая лишь слепо паниковать. Стало ясно: перед ними обычный представитель местной фауны, а не обращённый человек.

— У цветных бекасов храбрости с гулькиным носом, они повадками вылитые домашние куры, — пояснил Луань Лин. — Чуть что — забиваются в угол и притворяются ветошью. Но посмотри внимательнее: по-моему, она ранена.

Действительно, теперь стало понятно, почему птица летела так низко и неуклюже. Гун Чао осторожно перевернул добычу лапой и поморщился: одно крыло птицы было сильно повреждено, перья свалились от подсохшей бурой крови.

— В дикой природе калекам ловить нечего, до ночи точно не дотянет, — прагматично заметил Луань Лин. — Избавь бедолагу от мучений, только быстро.

Гун Чао скользнул взглядом по дрожащему тельцу. Мысленно прошептав короткое «прости», он резким, выверенным движением клюва переломил птице шею.

Жизнь покинула жертву мгновенно. Гун Чао уставился на неподвижную тушку, испытывая смутное замешательство.

— Что, не по себе? — Луань Лин снова перебрался к нему на грудь, заглядывая вниз. — Не привык питаться парным мясом с кровью?

Вспомнив тихое сочувствие, с которым напарник оборвал чужую жизнь, тушканчик озадаченно спросил:

— Слушай, Лао Гун... Если честно, меня кое-что удивляет.

— Что ещё? И я же просил: не смей меня так называть, а то взбучкой не отделаешься! — пригрозил Гун Чао, хотя в голосе его уже не было прежней злости.

Луань Лин беззастенчиво пропустил угрозу мимо ушей и продолжил:

— Ты совсем не похож на человека, прошедшего горячие точки. Разве те, кто годами дышит порохом, не должны привыкать к смерти и становиться чёрствыми? А в тебе нет ни капли жестокости. Скорее напоминаешь праведного монаха, который забрёл в ад, чтобы отпустить грехи грешникам.

Гун Чао молча скосил взгляд на него.

— Такие отморозки, конечно, встречаются, — медленно заговорил он. — Но большинство из тех, кто действительно повидал войну, начинают её люто ненавидеть. Солдаты годами не видят близких, мирные люди теряют кров и бегут куда глаза глядят — кому понравится этот кошмар? Напротив, парень, те, кто близко видел смерть, учатся ценить жизнь как никто другой. И свою, и чужую. К тому же я никогда никого не убивал. Убийство — это тяжкое преступление, если ты забыл. Моя работа — охранять людей и сопровождать грузы, не более того.

— Ну а если на вас нападают? Что за всепрощение? Лао Гун, ты часом не грешишь избытком милосердия? С виду такой грозный, а в душе — прямо-таки святой великомученик, источающий благодать. Поразительно! — Луань Лин закивал своей крошечной головой, пародируя благоговейный трепет.

Этот мелкий паршивец умудрялся выбесить даже самым невинным комплиментом.

— Да какая ещё святость! — фыркнул Гун Чао. — Если на меня полезут с кулаками, я им живо пасть порву и хребет переломаю. Просто до смертоубийства дело пока не доходило. У нашей группы хорошая репутация в тех краях — если кто-то сам не нарывается на неприятности, то и к нам с дурными намерениями не лезет.

— Ой, а можно узнать, кого или что именно вы охраняли? Любопытство так и распирает! — Луань Лин смешно потёр лапку о лапку, вылитый сплетник, предвкушающий сочные слухи.

Гун Чао взглянул на его уморительную физиономию, и в нём проснулось непреодолимое желание подразнить напарника:

— Нельзя. Военная тайна.

Ожидаемо, длинные уши тушканчика тут же встали торчком от разочарования:

— Ну вот, так всегда! Лао Гун, это нечестно! Как можно... Погоди-ка. Там кто-то есть.

— Тоже слышу, — отозвался Гун Чао.

Где-то неподалёку, в густых зарослях травы, едва уловимо шуршало что-то крупное.

— Уходим, живо, — скомандовал он.

Посмотрев на мёртвого бекаса, птица-секретарь мгновенно пригнулся и подхватил тушку мощным клювом.

— Гр-р-р!

В ту самую секунду, когда он опустил голову, трава позади них с шумом раздвинулась. Из зелёной стены пулей вылетела поджарая серо-чёрная тварь, похожая на дикую собаку. Оскалив зловонную клыкастую пасть и выпустив когти, хищник в яростном прыжке нацелился прямо в шею Гун Чао.

Луань Лин отчаянно завопил в его разуме:

— Шухер! Это чепрачный шакал! Погибель для любой птицы!

<http://bllate.org/book/18183/1747567>